

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Попова

В огнях Майдана

Исторический роман

Анастасия Алексеевна Попова

В огнях Майдана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31511800

SelfPub; 2018

Аннотация

Их разделили граница и предубеждения, между ними должна была быть пропасть, но для истинного чувства нет преград. Они оказались в эпицентре бури чужой политической игры, потеряли друг друга в хаосе Майдана, но истинная любовь – творит чудеса... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Анастасия Попова

В огнях Майдана

Предисловие

С какой стороны не прильнуть к политической карте мира, не найдёшь ни одного клочка земли, ни одного более или менее развитого государства, которое когда либо в истории не считалось колонией или метрополией. Когда континенты разрывали на части, тщательно вымерялась правильная геометрия стран Африканского мира, который подобно бешеной собаки рвала между собой Европа, это считалось в порядке вещей. Но, время идёт, а мир не меняется. Старые понятия вуалируются под демократические лозунги, камуфлируя истинные цели, а не имеющие жесткого хребта продолжают страдать.

Столетия сменяли столетия, но порядки в умах и сердцах остались прежними. Сильные стремились управлять слабыми, выкачивая ресурсы из стран третьего мира. Но даже столет назад было трудно поверить, что одной из таких стран станет Украина – никогда прежде не преклонявшая колен, и не знавшая гнёта колонизации. Но мечты о свободе, евроинтеграции и независимости, словно карточный домик пали

во лжи большой европейской мечты Незолежной, так манившей на Евромайдан молодёжь, оставивший после себя руины и кровоточащие раны.

Глава 1

*Самый страшный враг – сомнение,
Из-за него мы часто теряем то,
Чего могли бы достичь,
Но испугавшись, даже не попробовали...*

Поле, Русское поле, воспетое великими поэтами и писателями, которому нет ни края, ни конца. Оно начинается прямо у твоих ног и уходит взор вдаль за горизонт, только лёгкий ветерок трепет зелёные головки, безмятежно поющие свои завораживающие сонеты. Даже просёлочная дорога, соединяющая два небольших посёлка, пробегающая вдоль него не может очертить границ зеленеющего осеннего поля. По её изгибам редко ездят машины, извилистая дорога, безмятежно бегущая по краю нетронутой первым морозцем зелени, оживает лишь в посевную и во время уборки, но в промозглые ноябрьские деньки на ней не найдешь не единой души. Дожди нещадно размывают границы этой не нанесённой ни на одну карту одинокой дороги, но она, словно не желая сдаваться, вновь восстаёт из болотной трясины Русской распутицы.

Только два пограничных столба и облупившийся от старости шлагбаум, напоминают о том, что именно она соединяет два, когда-то братских государства. Дорога стратегиче-

ского назначения такая же, как миллионы других, словно река, разделившая два берега, так и манит зачарованных красотой полей путников перейти её вброд.

Я люблю это поле, этот промёрзлый после ночного морозца песок, словно набросок ловкой кисти самой природы, разлился в онемевших от холода изгибах, когда-то, словно лава он обжигал стопы, просачиваясь сквозь пальцы пылающий и беспощадный, а сейчас словно хрусталь рассыпался от неловкого прикосновения. Такой непостоянный и непосредственный, но я любила каждую его пищину, ведь он устилал дорогу к самому дорогому, что есть у меня в этом бренном мире. Сердце трепещет подобно озимому полю от холода ожидания, ещё мгновение и этот безмятежный простор озарит любимый силуэт. Я помчусь к нему, круша песчаные замки, по той же дороге, которая когда-то до боли обдавала жаром ноги, так же как и его взор до сих пор обжигает моё сердце. Нет, я не могу больше ждать. Ожидания беспощадно томительны, когда тебе восемнадцать флюиды бабочками разносятся по животу, словно раскалённый песок, выжигая все мысли, кроме одной, мечте о скорой долгожданной встрече.

Край солнца уходил за горизонт, предавая зелёному полю магическую красоту. Её краски под ласковыми ускользающими лучами обрели новые, едва уловимые оттенки. Даже кисти самого гениального художника не смогли бы передать её чарующую непорочность новой жизни, которую вскоре

укроет пуховое снежное одеяло, и весной преобразившись, оно возродится вновь уже с новой силой, распустит свои золотые колосья, но не перестанет напевать под потоками ветра свои непринуждённые мотивы.

Ни суеты, ни лишних звуков, только соло безмятежного поля, еле слышное перешёптывание зелёных колосков под аккомпанемент сверчка ищущего убежище в преддверии зимы. Солнце заходило, звуки безмолвной тишины становились всё громче, а его так и не было.

Из-за холма появился силуэт. Сердце задрожало, в унисон подпевая зелёному бескрайнему полю. Он не забыл, он идёт. Счастье незримыми лучами рвалось наружу, затмевая отблески уходящего солнца.

– Привет! – Не успев вымолвить последний слог, губы слились в поцелуе, мурашки волнами разбежались по телу, пальцы рук жадно ласкали любимые черты лица.

– Привет, я ждала тебя. – Шепнула я не успев открыть глаза от пьянящего поцелуя.

– Я пришёл, как только смог. Ты готова? – Но вопрос с его губ вырвался столь неуверенный, что сердцу ничего не осталось, как прокричать многозначное...

– Да! – Улыбка не сходила с лица, душа ликовала, этот день настал...

Он молча взял мою руку и повёл в закат, в даль от шёпота поля, по узкой песчаной дороге схватившейся от вечерней прохлады и рассыпающейся в прах от грубых прикосновений

подошв, такой же холодной, как и этот ноябрьский вечер.

Автобус невольно заворчал, мотор несколько раз буркнул, но поддался опытным рукам пожилого водителя, он мило улыбнулся своим последним пассажирам, с любопытством всматриваясь в солон через зеркало заднего вида. Темнело стремительно. Уже через каких-то четверть часа последний рейсовый автобус из Панченково, разрезая тьму светом фар, поблѣкшим от времени словно очи старца, мчался в Должанск.

Для любящих сердец нет времени. Секунды счастья длятся столетиями, а всю жизнь можно уложить на ладони в мгновение блаженства. Такая любовь неподвластна тяготам быта, и даже старость не властна над нею. Подобно кокону она обвивает свою жертву, овладевая ею, и лишь в нём сосредоточена вся жизнь. И только року подвластна дальнейшая судьба. Суждено ли зародиться бабочке, прожить жизнь днём блаженного счастья или оставив мечты и надежды ползти гусеницей по угрюмой дорожки жизни.

Ворча и чихая, как седовласый старик, автобус остановился у перрона. Коля взял меня за руку. В душе зрели зёрна сомнений, рука невольно отдёрнулась.

– Может, стоит оставить эту затею? – Мне было страшно неизвестность всегда пугала меня и даже он, мой лучик, не мог дать уверенности сердцу.

– Тебе нечего бояться. – Его голос прозвучал так уверенно, что раскаты паники ни надолго покинули моё тело.

– Я знаю, но... – его палец лёг на её нижнюю губу.

– Всё будет хорошо, они тебя примут. – Океан этих чудесных глаз не способен ни на обман, ни на предательство. Он может лишь смыть волной, утащив в свои глубины заглядевшегося его красой.

– Очень на это надеюсь. – Коля словно пушинку подхватил меня со ступеней старенького ПАЗА.

– Как же здесь красиво, – окинув глазами сумерки, шепнула я ему на ухо. Опустевший перрон гипнотизировал своей тишиной и только потрескивающий щебет одинокого фонаря освещавшего нас сотрясал сумрак стремительно наступающей ночи.

– Да, полный штиль, ни дуновения ветерка, тишина. Так и веет спокойствием.

– Такие затишья несут с собой жестокие бури.

– Только не здесь. Оглянись вокруг, полной грудью вдохни этот чудесный воздух и ты поймешь, почему за два с лишним столетия небольшой казачий курень вырос в прекрасный город. Он не подвластен бурям – это поистине райский уголок. – Парень опустил на колени – Сколько пережили эти рельсы, – его тёплая рука скользнула по безжизненно холодному железу – по ним наши деды уходили на фронт, их нити паутиной связывают города друг с другом, они объединяют и разделяют судьбы, унося вдаль любимых и воссоединяя их вновь, а сами такие холодные. Будто им чужды наши проблемы.

– Ты у меня неисправимый романтик. – Руки обвили его лицо, чуть алые от холода ноябрьской ночи губы вновь скользнули по его гладко выбритой щеке.

– Пойдём за билетами? – В душе Коле хотелось как можно быстрее познакомить меня с родителями и объявить о помолвке, как только закончится срок службы, я тоже этого хотела, но страх не понравиться его родителям был сильнее.

– Я подожду тебя тут, позвоню родителям, они наверное уже беспокоятся.

– Я скоро. – Прощаясь словно на век, он вновь прижал меня к груди и поцеловав в лоб, скрылся из под покрова фонаря.

Господи, как же пережить всё это, мама будет в ярости, отец мне этого никогда не простит, но я должна решиться позвонить домой.

В руке блеснул телефон, дрожащие то ли от холода, то ли от страха пальцы быстро набрали знакомый номер. Первый же гудок оборвался на середине. Звонка явно ждали.

– Мам?

– Ты где?

– Не беспокойтесь, я вас умоляю, со мной всё хорошо. Мы с Колей едим к его родителям в Киев, вернёмся через несколько дней.

– Ты с ума сошла?

– Мама, у нас всё серьезно.

– Отец убьёт и тебя и его! О чём ты вообще думала?

– Мама, я понимаю, вы волнуетесь, но я уже взрослая.

– Марина!

– Да...

– С отцом будешь объясняться сама. Как только он вернётся с командировки. Боже, он оторвёт мне голову, за то что не смогла уследить за тобой.

– Ну мам...

– Что мам? Ты, дочь генерала, так води себя соответственно, я всё понимаю... гормоны, но это же не повод сбегать из дома в чужую страну!

– Ну я же не в Сирию, я с Колей, не волнуйся.

– Нашла чем успокоить. Ладно. – Наконец-то перестал причитать голос в трубке – Отцу говорить не стану, успеи вернуться до его приезда.

– Обещаю. Я люблю тебя мам.

– Я тебя тоже, будь хорошей девочкой, не делай глупостей.

– Хорошо.

С души словно свалился булыжник мешавший дышать в полную грудь. Целиком растворившись в мыслях я даже не услышала тихих шагов позади. Два билета мелькнули у лица. От неожиданности из груди произвольно вырвался оглушительный визг, рассеявший опьянявший туман мыслей.

– Коля! – изо всех сил, на которые только была способна после непростой беседы и утомительной поездки я ударила его по плечу.

– Поезд через двадцать минут. Я же говорил, что мы успе-

ем. — Он подхватил меня на руки, кружа в нежных объятиях. — Завтра к утру будем в Киеве. Брат нас встретит.

— Брат? — от неожиданности мои глаза предательски округлились.

— Да, я забыл предупредить, младший брат, к сожалению старший не сможет приехать.

— Ну, хоть с кем-то познакомлюсь.

— Только не заставляй меня ревновать — его нос нежно посапывая, обвёл изгиб уха, а губы ласково сжали мочку. Когда он так делает, я просто не могу на него злиться, а самое страшное, что он знает об этом. Чувствую что бледнею, по мере того, как бабочки поднимаются от живота к груди мешая вздохнуть. Голова закружилась от такого неожиданного порыва.

— Я люблю тебя — в тот же миг сорвалось с моих губ.

— Я тебя тоже.

Страстный поцелуй прервал стук колёс и пронзительный гудок, словно гром разразивший тишину осенней ночи. Показав билеты, мы пошли искать свои места. Признаю честно, я не особо люблю поезда, слишком часто за всю свою жизнь мне приходилось колесить с семьёй по стране. Из города в город, из части в часть, в каждом покинутом месте с детства оставалась частичка меня, тоска съедала мою душу, ностальгия по безвозвратно утерянным друзьям, словно кошка с каждым разом всё сильнее скребла по душе.

— А вот и наше купе. — Коля торжественно распахнул

дверь, пропустив меня вперёд. Яркий свет из коридора, залил купе, но как только дверь за нашими спинами захлопнулась, наша келья вновь стала напоминать жуткую тюремную камеру с приглушённым светом и неизвестностью таившейся в недалёком будущем. Заметив попутчиков нашего стрекочущего по железной дороге каравана, я невольно улыбнулась.

– Здравствуйте! – Через мгновения выдавила я из себя, пытаюсь хоть как-то нависшую тишину. На нас с любопытством смотрели три пары сонных глаз.

– Опа! А мы тут не одни. Коля! – Его рука протянулась к женщине, сидевшей в объятии двух мальцов. – Всегда рая знакомству.

– Наташа. – Незнакомка лишь мило улыбнулась в ответ. По её лицу стало понятно, что в столь поздний час она никак не ожидала попутчиков.

– А это – Марина, мы в Киев, а вы куда – Коля, словно не замечая ни чего вокруг, продолжил свою безмятежную болтовню.

– Мы тоже. Очень рады знакомству. – Сказав так, она ещё крепче прижала к себе ребят, словно коршун пытавшийся спрятать птенцов от непогоды.

Я всегда любила вглядываться в не знакомые лица, но в её лице я видела страх и тревогу, непонятную и необъяснимую тогда. То и дело Наташа посматривала на Колю, но смотрела она не с интересом, как обычно женский взгляд вскользь

оценивает миловидного партнёра, желая увидеть в нём будущего мужа. А с опаской, как дикий, перепуганный зверь, загнанный в вольтер к сытому хищнику для забавы, смотрит на него, чуть дыша, но убедившись, что в нём не видят добычи, всё равно не теряет осторожности. Это диктуют инстинкты, над которыми не подвластен ни человек, ни дикий зверь.

Поезда придают новым знакомствам волшебный шарм. Только в этой неповторимой атмосфере, под монотонную песнь стальных колёс открываются души, звучат сокровенные мечты и желания, говорится то, чему никогда не было суждено прозвучать вслух. Случайные попутчики, словно исповедники готовы в ночной тишине делиться самым сокровенным, своими мыслями, не теми, которые мы с вами говорим каждый день, а теми, что таятся у нас внутри ожидая своего часа, но мы не решаемся произнести их в слух. Но в ночной тишине, словно в келье они водопадом рвутся наружу, открывая все стороны тебя, тому, кого больше вероятнее всего никогда не увидишь. Склонив голову на моих коленях, Коля уснул. Я гладила его густую копну волос, всматриваясь в любимые черты и перейдя на шёпот, продолжала...

– Мы вместе уже полгода – призналась я убедившись, что объект нашего разговора уснул покрепче, продолжая гладить растрёпанные мной волосы.

– И тебе не страшно? – Её вопрос прозвучал словно гром среди ясного неба, сначала я даже не поверила своим ушам.

– А почему мне должно быть страшно? – Я пыталась дер-

жать себя в руках, но нижняя губа предательски тряслась, выдавая все самые жуткие страхи мучившие меня с зарождения идеи этой поездки. Словно кошмар воплотился в явь. Казалось она, словно рентген, видела меня насквозь, все страхи выстроившиеся в длинную шеренгу, такие же бескрайние как и то поле которые мне сегодня пришлось перейти. И дело не в расстоянии а в мыслях и тревогах, которые словно первые снежинки окутывают всё на своём пути. Но фантазии рождают чудеса, а любимый образ влечёт как маяк, и ты идёшь к цели не взирая на страхи, гонимая желанием просто быть рядом.

– Время сейчас не спокойное – продолжала она так и не заметив моего удивления.

– В наше столетие – её утверждение придало мне храбрости – наверное не существует выражение «Спокойное время». По сути, идёт такая же колонизация, только в экономическом плане сильные подминают под себя слабых, те, тех кто ещё слабее, а в итоге – всё это большая пирамида, только легализованная, а отличают её мировые масштабы. Верхушка доит все страны, а стоящие внизу подъедают остатки со столов господ.

– Как же вы правы, но я не совсем про это хотела сказать. – Моя собеседница перешла на шёпот, чем озадачила меня ещё больше – Есть определённые места, где не стоит находиться в определённое время. – Её холодная бледная рука схватила меня, я вздрогнула, но удержалась что бы не

вскрикнуть. – Не ездил в Киев, доченька. Там ты сейчас найдёшь только горе. Ты русская, а там таких не любят.

От удивления я вытаращила на неё глаза, но Наташа, сама веря в свою страшную сказку, выглядела слишком печально и испуганно. Я не сдержалась, возмущение кипело в моей груди.

– Но когда-то, же это была одна страна. – Мой громкий эмоциональный выплеск ещё больше напугал забившееся в угол купе существо, сжимающее своих спящих крошек. Но она не замолчала, а лишь продолжила тихим шёпотом.

– Когда-то да. Но всегда были недовольные. Вспомни тот же голодомор. – От её слов меня затрясло. Из всех школьных предметов больше всего я любила историю и не могла не знать таких элементарных вещей.

– Но и в Поволжье тоже был голод и на Северном Кавказе, на Южном Урале, в Западной Сибири, в Северном Казахстане. Да и всей России, ну СССР, если быть точной, не забыть голод начала тридцатых годов. Коллективизация, массовое раскулачивание от ошибок коммунистов страдала вся страна а не только Украина. Да и Украины то, как таковой до её отсоединения от союза не было. Это мы дали вам земли, оставили заводы, оружие, флот, Крым подарили с доброй руки Хрущёва. – Тут меня понесло... – Мои предки жили в Поволжье во время голода, вагоны с зерном шли через них на вашу Украину, не оставляя ни зёрнышка. И голод там был пострашнее. Они голодали, отправляя вам хлеб, набирали

в сапоги зерна, что бы хоть как-то накормить детей, за что их сажали. А вы сейчас воспринимаете это, как геноцид? – Женщина, таращила на меня свои огромные глаза цвета синего неба, казавшиеся мне теперь неестественно круглыми. От удивления и негодования, я притихла.

– Потому, что это кому-то выгодно. Не стоит говорить в голос о подобных вещах, запомни девочка, ты не в России! – эти слова она сказала чуть слышно, а потом так же тихо добавила – В этой стране даже у стен есть уши. – Я еле разбираю её шёпот, но от него по всему моему телу выступил холодный липкий пот. – Если хочешь доехать до Киева, то лучше давай помолчим, а то греха не оберёмся. Я видела, как закрывают неугодные рты в нашей стране, а скоро мы вообще все потонем в хаосе... – но минуту она замолчала эти мгновенья казались мне вечностью, в крошечной тьме мерцали огоньки неизвестности, к которым я стремилась, словно мотылёк и так боялась достигнуть, будто это моя последняя цель в жизни.

– Я люблю Россию и ваш народ, – неожиданно продолжила Наташа, – во мне, как и в тебе течёт русская кровь, то что происходит мне не по душе. Но я боюсь в голос сказать об этом, боюсь, понимаешь, за себя, за детей...

– О чём вы? – она лепетала словно оправдываясь, но я же не могла понять и половины. Все её слова казались для меня тогда какой-то опутанной вуалью тайны головоломкой.

– Страна трещит по швам, нужно быть полным идиотом,

что бы верить этим слащавым речам с экранов телевизора. Поверь мне девочка, её разорвут на части при первой же возможности. А по тому, как вспыхивают волнения, это случится совсем скоро.

– Это не совсем хорошая шутка! – От её слов я побледнела, а руки невольно вцепились в самое дорогое, что было у меня в ту минуту – моего Колю. Но я попыталась успокоиться. – Мне кажется, в этих мелких забастовках нет ничего страшного. Просто люди устали от безденежья и нищеты.

– Ты в некотором роде права. Страшного ничего нет, если это ни кому не выгодно. Но если у более сильного есть выгода потопить немошного и слабого, что помешает ему это сделать? Во рту у бедняка кроха, с тысячи крох – каравай, а с миллиона... – И тут она замолчала, за дверью слышались посторонние шорохи... По моему телу пробежала дрожь. Холодный пот выступил на висках.

Дверь нашей кельи распахнулась, в купе заглянул незнакомый силуэт от яркого света, ворвавшегося вместе с фигурой, её черты размыла игра теней, не возможно было разобрать, была ли это женщина или мужчина. Оно обвело купе взглядом, и не произнеся ни слова с силой захлопнула дверь. От неожиданности я вздрогнула. Моя попутчица сделала многозначительный жест, из которого мне стало всё понятно. В памяти тут же всплыли недавно произнесённые в этой келье слова «В этой стране везде уши». Но Наташу этот акт бесцеремонности, ни сколько не смутил. Слова продол-

жали лить с её уст неудержимым потоком, только ещё более приглушённо. Казалось его уже не остановить. Возбуждение и негодование кипело в её душе.

– Один гривен с одного дурака – это грош, а с миллиона – уже капитал. – Постепенно я стала понимать её изречения, ещё недавно казавшиеся мне непонятными загадками.

– Ну, тогда эти люди правы, они отстаивают свои интересы.

– Если бы это было правдой... – её глаза наполнила необъяснимая печаль, и даже приглушённый свет не мог скрыть блеска слёз на её глазах. – Пусти в стадо баранов одного волка в овечьей шкуре и всё стадо будет жить по его законам, то же самое и с толпой, причём ей управлять намного проще, у неё свой коллективный разум и свои законы.

– Вроде, кто не с нами, тот против нас?

– Вот именно, ты начинаешь меня понимать – её глаза блеснули, а на обескровленном бледном лице промелькнула улыбка.

– Но если всё так, как вы говорите, то почему вы не уедите?

– Куда? Если бы мне было куда ехать, я бы уже неслась на всех парах подхватив детей в охапку... – тут она умолкла, голубые глаза превратились в два безжизненных кристалла. – Но, я должна похоронить мужа. Это мой долг.

– Господи, простите. – В ту минуты я и подумать не могла, что безобидная политическая болтовня может разбередить

такую рану.

— Ничего, моя хорошая, я уже почти смирилась с этой мыслью. — Глаза её совсем поблекли и опустели, они казались опустошенным сосудом, из которого по капле вытекала жизнь. — Боюсь только одного, увижу его и не смогу жить дальше.

Сражённая её болью, я опустила глаза. Коля безмятежно спал на моих коленях, как я была рада, что он не слышит этого. Мой глаза кочевали по любимым чертам, а руки охраняли его сладкий сон, обнимая широкие плечи. Колени затекли, но я не решалась пошевелить ими, боясь нарушить его покой так горячо охраняемый мной. Но тишина, невольно возникшая, ещё больше терзала мою душу.

— Наверное, очень тяжело терять любимого... — Это не было вопросом и мы обе это поняли. Я на миг представила себя на её месте. Что бы делала я, потеряв того, кто дороже жизни, но слова произнесённые этой хрупкой женщины со стальным стержнем внутри, заставил меня пересмотреть моё понимание слова потерять...

— Я его ещё не потеряла. — Глаза Наташи наполнились слезами. — Он ещё жив в моём сердце. — Не сговариваясь мы опустили глаза на Колю. — Берегите его.

— Постараюсь. — Дав это обещание, я с головой ушла в свои мысли. Раньше я не задумывалась и даже не могла предположить, что человек жив не только когда существует, он может жить и в нашем сердце и в нашей памяти и даже на пожел-

тевших от времени листах старинных книг. Оказалось, существуя сами по себе мы не значим ничего, просто биомасса находящаяся в пространстве в определённое время, а вот наши поступки, наши действия, сами того не замечая мы каждый день творим историю, запечатлённую в фрагментах памяти друзей, любимых, да и просто незнакомых людей. Мы живём в мире, но и в нас живёт целый мир.

Глаза слипались под убаюкивающий говор железных сапог, казалось, они перешёптывались вместо нас, а мы молчали. За окном уже отчётливо различались силуэты проплывающего мимо пейзажа, освещённого первыми рассветными бликами, победно пробивающимися через толщу тьмы.

Вновь распахнулась дверь нашего ночного убежища, в котором, наконец, восторжествовал сон. Проводник, ещё ночью казавшейся бесполой тенью, небрежно буркнул «Киев». Я лениво открыла глаза, тело ныло, казалось разговор ушедшей ночи, отзывался в нем физической болью. Лучи яркого солнца ласкали своим теплом Колино лицо, он жмурился, упорно не желая открывать глаза, пытаясь скрыться от них, но они были беспощадны.

– Мы приехали! – Я растягивала эти мгновенья, как могла, любуясь его чертами, но гудок словно гром, заставил меня поторопиться. Я нежно потрепала густую русую копну волос, поцеловав высокий лоб. Любимые голубые глаза распахнулись, шурясь от яркого утреннего солнца, последнего привета уходящих тёплых осенних дней.

– Ты так спала? – Проснувшись на моих неподвижных коленях, Коля негодовал.

– Мне и так хорошо, когда ты рядом. – Он начал пристально всматриваться в мои глаза, желая увидеть хоть искру лжи, но её не было. – Я отлично спала.

– Врёшь мне? – Светлые брови сомкнулись на переносице, но ни один мускул на моём лице не дрогнул, я лишь расхохоталась.

– И в мыслях не было! – Продолжая хохотать, я нагнулась поцеловать его, но очередной предательский горн поезда не позволил мне этого сделать.

Совсем рядом раздался громкий бас. «Поезд отправляется!». Мы вскочили.

– Бежим, нас наверное уже заждались. – Коля вскочил, освободив мои онемевшие ноги. – Сколько времени?

– Половина девятого – Бросив взгляд на часы, мои глаза округлились. По времени поезд уже стоит минут пятнадцать.

– Я спал как младенец на твоих руках. – Спешно засовывая куртку в рюкзак, шептал он.

– Я заметила. Пошли, пока нас не увезли дальше.

Свежий осенний ветер раздувал волосы, лаская тело последним теплом уходящего ноября, вихрем кружа дорожную пыль по перрону, которая так и стремилась ударить в глаза. Земля, от долгой дороги дрожала под ногами. Перрон постепенно пустел.

– Привет! – Из разбредавшейся по вокзалу толпы, поки-

нувшей поезд, на встречу к нам побежал парень, лет восемнадцати с добродушной детской улыбкой на лице. Кинувшись на Колю, он не переставал причитать. – Ты дома, даже не верится!

– Привет Вов! – опустив на землю своего младшего брата, не выпуская из своих крепких дружеских объятий, он развернул его ко мне. – Вов! Это Марина, знакомься, моя невеста.

Молодой человек не смог скрыть удивления. Видимо только заметив подле своего брата ещё кого-то, он стал оценивающе мерить меня взглядом.

– Да ты я смотрю, время зря не терял. Привет! – В мою сторону протянулась огромная рука высокого подростка, я вложила в неё свою, казалось, что это я ребёнок, а не он.

– Привет! – Робко пожав протянутую мне руку, я боязливо прижалась к Колиному плечу, словно ища защиты. Все казалось мне чужим кроме него.

Они говорили взахлёб, и не могли наговориться, обо всём и ни о чём, как старые друзья, не видевшиеся годами. Словно одноклассники, которых жизнь после школы разбросала по разным городам и встретившись на миг им нужно рассказать всё, что случилось в их жизни с момента расставания. Про меня буд-то забыли. Подобно птицы без гнезда я кружила вблизи этой воркующей парочки, от досады слёзы накатывались на глаза, но обида и гордость душили их. Я то и дело озиралась по сторонам, и чувство чего-то чужого, поглотив-

шего меня сейчас не оставляло ни на миг. Чужой вокзал, чужой язык, чужие люди, словно я попала в чужой сон и никак не могу проснуться, как бы не кричала моя душа, как бы я не пыталась натянуть на лицо улыбку, меня одолевала паника. В этом сне для меня нет укромного уголка, куда бы я могла забиться и наблюдать.

– Маришка, – Коля заметил одолевающий меня страх, и покрепче прижал к себе – ну ты чего? – Любимый бархатный баритон вывел моё сознание из путавшихся в моей душе тревог. – Ну! – подбадривал он меня – Веселее! Уже скоро будем дома.

Я слушала бы его голос века, нет – тысячелетия, он действовал на меня, словно валерьянка на кошку, манит и дурманит, увлекая за собой. Дверь такси захлопнулась, старые савдэповские Жигули помчались по неизвестным и чужим моему сердцу улицам, сменяющим одна, другую.

– Ну ты чего? – Видя мою растерянность, Коля не опускал руки с моего плеча, то и дело сжимая меня в своих объятьях, да в них и только в них я чувствовала себя спокойно. Словно малое дитя, рвалась за ним, бессознательно считая, что мой дом там, где он. Коля знал это, он читал всё в моих глазах, а я в его, поэтому иногда слова нам были не нужны, да и зачем звуки, когда можно говорить сердцем. Его горячий поцелуй словно разбудил меня ото сна в котором я всё больше утопала.

– Всё хорошо. – Не дождавшись вопроса, рассеянно бурк-

нула я.

– Вот тут в арку, и третий подъезд. – Водитель «Печали» покорно выполнял все указания, сидевшего впереди Вовы, который выполнял функции навигатора.

– Нет, нет, нет! – Вдруг вскрикнул Коля, со всех сил прижав меня к себе – Во вторую арку.

– Не забыл, значит. – Ухмыляясь, обернулся брат, желая хоть как-то сгладить свой промах.

– Не так долго меня и не было. – Крепкая рука упала на плечо брата.

– Кстати, вас ждёт сюрприз... – Глаза Вовы блистали, словно два алмаза.

– Так, что я пропустил?

– Зайдёте, сами увидите! – по лицу парня пробежала заборная улыбка, глаза сверкали всё ярче.

– Интригант! – Старшему брату ничего не оставалось, как развести руками и покорно ждать.

Третий подъезд, третий этаж, тридцать третья квартира. От природы я не особо суеверна но от такого совпадения меня бросило в дрожь. Нет, думала я, зря я приехала, зря я согласилась как права была мама, но... сдаваться, сейчас? Когда только и осталось что переступить порог, уже слишком поздно...

Я уже тут, да и как объяснить мою робость кроме как не желанием познакомиться с будущими родственниками. Да и Коля мне не сможет никогда простить этого. Нет, я буду

храброй! Железная дверь передо мной со скрипом распахнулась, на пороге появился высокий молодой мужчина, лет двадцати пяти, довольно крупного телосложения, но с лицом никак не подходящим его формам, его, казалось мне, прилепили отдельно, вырезав из голливудского журнала.

– Сюрприз! – Закричал он, неестественно оскалив белоснежные зубы.

– А! – Коля растерялся – Вовка мне не сказал, рад тебя видеть Петь! – парни обнялись по братски – это моя Марина, прошу любить и жаловать!

– Привет – лукаво буркнул парень и улыбнулся по лисьи.

– Привет – удалось мне выдать ему в ответ, опуская глаза от прожигающего насквозь взгляда.

– Мам, пап, я дома! – скрипучая дверь распахнулась и мы с Колей вошли внутрь квартиры.

В коридоре появились родители, после недолгих объятий мать, взяв меня за руку, увела на кухню, а отец остался спрашивать сына. В душе я ликовала, что мне наконец-то удастся скрыться от множества любопытных взглядов, словно свора собак со всех сторон, бросавшихся на меня. Мне было неловко и неудобно, ощущать себя в этой совершенно новой для меня роли – будущей жены. Незнание будущего пугает, но сейчас оно полностью ускользнуло из моих рук.

– Я так рада что ты вы приехали – не молодая женщина суется с обедом перекалывала салаты в красивые чашеч-

ки, посыпая их сверху зеленью и кунжутом не переставала расспрашивать меня обо всём и ни о чём одновременно. – А твои родители без проблем отпустили тебя?

– Мама да, но папа пока не знает. – Я никогда не умела врать, считая, что рано или поздно правда всё равно всплывает и от этого становится только хуже. Даже маленькие мелочи, которые приятнее утаить для своего же спокойствия в дальнейшем перерастают в Шекспировскую драму с необъятным размахом и печальным концом. Пусть это больно, пусть меня ненавидит весь мир но я говорю только то, что думаю, а иногда совсем не думаю, что я говорю.

– Он наверное у тебя строгий? – Она смутилась, но виду не подала, видимо моя откровенность не возмутила её.

– Нет, он просто генерал. – Я вздохнула, в голове всплывали отрывки из детства, на мгновенья, унёсшие меня далеко от сюда и даже немного успокоили.

– Генералы Украинской армии все такие – с материнской улыбкой на безмятежном лице стала успокаивать меня женщина. Кажется, ещё немного такого тепла, этих слов, этой улыбки, её заботы и я как и Коля назову её мамой. Но мой язык всегда был моим врагом, а разум слишком молод и наивен что бы во время его прижать.

– Он Русский – сорвалось с моих губ – мы с Ростовской области, там и с Колей познакомились, на границе.

Хрустальная салатница времён СССР выскользнула из обмякших рук, в дребезге разлетевшись по кухне. Материн-

ская улыбка исчезла с лица пожилой женщины. Глаза поблекли, а морщины, ещё недавно разгладившиеся незримой рукой счастья и мерцающей улыбкой, словно шрамы рубцевали некогда прекрасное лицо. Всю жизнь она мечтала о дочери, но бог подарил ей только сыновей. Мы обе так долго ждали этой встречи, но я никак не могла предположить, что одна моя фраза в дребезге разнесёт все мечты о счастливой семье по мраморной плитке кухни Киевской квартиры.

– Я помогу – списав всё на неосторожность, я кинулась собирать осколки и салат с пола, но меня оборвал дрожащий холодом голос.

– Ступай, я сама... – В нем было столько печали, что мне стало не по себе, мурашки пробежали по моей спине, на лбу выступила холодная испарина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.